

А. Г. Авдеев

**О ВРАЧАХ В СОСТАВЕ СЕВЕРОПРИЧЕРНОМОРСКИХ ВЕКСИЛЛЯЦИЙ *
РИМСКИХ ЛЕГИОНОВ**

К. Маркс справедливо рассматривал армию как отрасль материального производства, выделяя такие качественные показатели, как наличие заработной платы, применение в крупном масштабе машин и механизмов и «разделение труда *внутри* одной отрасли производства». Вместе с тем, отмечал он, «в армии с поразительной ясностью резюмируется вся история гражданского общества»¹.

История вооруженных сил древнего Рима показывает справедливость этого заключения. В качестве частного случая разделения труда в римской армии мы можем рассматривать выделение в составе легиона специальной группы воинов, занимавшихся исключительно медицинским обслуживанием легионеров.

Современная военно-теоретическая наука различает целый комплекс понятий, связанных с военной медициной, таких, как медицинская служба, медицинское обеспечение и медицинская помощь. При этом в первом случае имеется в виду специальная служба тыла вооруженных сил, предназначенная для медицинского обеспечения войск в мирное и военное время. Медицинское же обеспечение — это комплекс мероприятий по сохранению боеспособности, укреплению здоровья личного состава, своевременному оказанию медицинской помощи и восстановлению боеспособности раненых и больных; вид тылового обеспечения. В понятие «медицинская помощь» включается комплекс лечебно-профилактических мероприятий с целью сохранения жизни раненых и больных и быстрее их восстановления. В эти мероприятия входят различные виды медицинской помощи, оказываемые медицинским персоналом военно-медицинских учреждений, а также самопомощь и взаимопомощь раненых непосредственно на поле боя. Нет сомнения, что такая дробная классификация говорит о достаточно высоком уровне развития военной медицины. В древнем Риме, где военная медицина в составе вооруженных сил впервые получила четкую организацию, эти понятия были слиты, что придавало специфические черты и самой организации медицинской службы.

Военно-медицинское дело у римлян имеет, начиная с рубежа XVII—XVIII вв., обширную историографию², позволяющую подробно охарактеризовать основные аспекты данной темы. Ныне в качестве бесспорного признается вывод о том, что военно-медицинская служба в Риме получила организационную структуру при Августе, завершившем «дело превращения римских вооруженных сил в постоянную регулярную армию»³, и что данная служба, обеспечивавшая каждое воинское подразделение квалифицированной медицинской помощью, в ос-

* Вексилляция — вооруженное формирование, состоящее из отрядов, выделенных из состава легиона, и приданных им вспомогательных войск, которые находились под общим командованием.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 29. С. 154.

² Перечень основных работ см.: Стрелков А. Врачи древних римлян. Эпиграфические очерки. М., 1888. С. 1—2, 17. Прим. 1. Последняя по времени монография, посвященная данной проблематике, к сожалению, осталась мне недоступной (Korpela I. Das Medizinpersonal in antiken Rom: eine sozialgeschichtliche Untersuchung. Helsinki, 1987).

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 14. С. 24.

новых чертах сохраняла изначальные принципы деятельности вплоть до исчезновения легиона как самостоятельной боевой единицы в конце античной эпохи.

Сведения о врачах в составе римских войск, дислоцированных в Северном Причерноморье, крайне скудны. На сегодняшний день мы располагаем тремя надписями. Первая была обнаружена в Херсонесе в 1907 г., издана М. И. Ростовцевым⁴, включена в свод В. В. Латышева⁵ и переиздана Э. И. Соломоник⁶. Две надписи происходят из Тиры. Одна найдена в 1936 г., издана П. Никореску⁷ и переиздана П. О. Карышковским⁸. Последним была издана и вторая надпись, обнаруженная в 1982 г.⁹

Херсонесская надпись, упоминающая врача (*medicus*) Публия Ведия Трепта, убитого таврами,— надпись надгробная. Особенности шрифта в сочетании с формулой *Dis Manibus*, появившейся на провинциальных надгробиях в конце I в. н. э., позволяют датировать ее второй половиной или даже концом этого столетия, но скорее всего временем Нерона и Флавиев. В таком случае *terminus post quem* для датировки надписи — это экспедиция легата провинции Мёзия Тиберия Плавтия Сильвана в Таврику для снятия осады с Херсонеса, организованной скифским царем (CIL. XIV. 3608). В настоящее время эта экспедиция датируется временем между 63—68 гг. н. э.¹⁰ *Terminus ante quem* для данной надписи — 75 г. н. э. (время сокрытия Прибрежнинскогоклада золотых и серебряных монет имперской чеканки, не входивших тогда в состав денежного обращения ни одного северопонтийского полиса)¹¹. Определенно надпись может быть связана с боевыми действиями вестилляции I Итальянского легиона — единственного римского воинского подразделения, с конца 60-х годов I в. н. э. постоянно находившегося в Таврике (и, таким образом, дата надписи ограничивается 70—75 гг. н. э.). Связь данного надгробия с экспедицией Элия Дидия Галла и Гая Юлия Аквилы (44/45 гг. н. э.) на Боспор (Тас., Апп., XII, 17), во время возвращения которой тавры уничтожили римский отряд, выброшенный бурей на их берег, представляется маловероятной не толь-

⁴ Ростовцев М. И. Новые латинские надписи с Юга России//ИАК. 1908. Вып. 27. С. 55—56. № 1.

⁵ LosPE. I². 562.

⁶ ЛНХТ. 13. См. также: Авдеев А. Г. К пониманию надписи ЛНХТ. 13/=IPE. I². 562//История и археология Нижнего Подунавья. Чтения памяти проф. А. И. Доватура. Тезисы докладов научно-практической конференции. Рени, 1989. С. 64—65.

⁷ Nicogescu P. Garnisospa romană in sudul Basarabiei//MSIAR. 1937. Ser. III. T. XIX. Fol. 16, N 2. P. 219—220.

⁸ Карышковский П. О. Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды. I. Надписи Тиры//ВДИ. 1959. № 4. С. 117. № 6 (далее — Материалы...).

⁹ Карышковский П. О. Посвятительная надпись римских врачей из Тиры//Новые исследования по археологии Северного Причерноморья. Киев, 1987. С. 52—56 (далее — Посвятительная надпись...).

¹⁰ См.: Зубар В. М. Про поход Плавтия Сильвана в Крым//Археология. Киев, 1988. Вып. 63. С. 19—27. См. также: Карышковский П. О., Клейман И. Б. Древний город Тиры. Историко-археологический очерк. Киев, 1985. С. 91; Шелов Д. Б. Римляне в Северном Причерноморье во II в. н. э.//ВДИ. 1981. № 4. С. 54. Прим. 13; Блаватский В. Д. Античная археология и история. М., 1985. С. 231. Из недавних работ зарубежных историков, посвященных Плавтию Сильвану, отметим: Zawadzki T. La légation de Ti. Plautius Silvanus Aelianus en Mésie et la politique frumentaire de Néron//La Parola de Passato. 1975. Vol. 30; P. 59—73; Conole P., Milns R. D. Néronian frontier policy in the Balcans: the career of Ti. Plautius Silvanus//Historia. 1983. Bd. XXXII. N 2. S. 183—200.

¹¹ Гилевич А. М. Прибрежнинский клад римских монет//НЭ. 1965. Т. V. С. 103—104.

ко из-за палеографических особенностей надписи¹², но и из-за общеисторических соображений. Останки легионеров, принесенных в жертву Таврской богине, вряд ли могли оказаться в Херсонесе, кенотафы же погибшим воинам, скорее всего, были сооружены в провинции Вифиния—Понт, где дислоцировались войска, участвовавшие в экспедиции на Боспор¹³. Во всяком случае с данной экспедицией можно связать надгробия воинов Кипрской когорты, обнаруженные в Пантикалее и Синопе¹⁴; формула *Die Manibus* на них, что важно, отсутствует.

Обе тирасские надписи — посвяжительные. Надпись 1936 г. является посвящением группы принципалов (*immun*) V Македонского легиона, среди которых назван и фельдшер (*valetudinarius*) Марк Валерий, центуриону этого же легиона Марку Эннию Илладиану. Так как последний возглавлял тирасскую вексилляцию при легате Нижней Мёзии Квинте Помпее Фальконе, занимавшем этот пост в 116—117 гг. н. э., то и надпись может быть датирована концом правления Траяна — началом правления Адриана¹⁵. В надписи 1982 г., относящейся по шрифту ко времени правления Коммода и первых Северов (конец II — начало III в. н. э.) упоминаются врач тирасской вексилляции (*medicus vexillationis*) Луций Плацид Олимпик и врач Мёзийского Флавиева флота (*medicus classis Flaviae Moesicae*) Марк Сей Гаргилий, совершившие совместное посвящение Асклепию и Гигиее в честь центуриона I Итальянского легиона Марка Аттала Плацида, возглавлявшего тирасскую вексилляцию. В надписи подчеркивается привилегированное положение врача флота: в отличие от своего коллеги он получал жалование в двойном окладе (*medicus duplucarius*).

Итак, перед нами надписи, охватывающие длительный промежуток времени и упоминающие четыре должности, относящиеся к военно-медицинской службе в северопонтийских вексилляциях: *medicus*, *medicus vexillationis*, *medicus duplicarius classis Flaviae Moesicae*, *valetudinarius legionis V Macedonicae*.

К сожалению, ограниченность источников не дает возможности проследить изменение функций медиков, занятых на этих должностях, в полном объеме.

Какая информация может быть извлечена из этих скудных данных? Вполне понятно, что в местах расположения римских воинских контингентов в Северном Причерноморье находились и врачи, обслуживавшие легионеров. Вполне понятно и то, что военно-медицинское обслуживание легионеров в этом регионе было организовано одновременно с размещением здесь подразделений римских легионов. И хотя легионные врачи находились на действительной военной службе, теоретики военного искусства — Арриан и Онасандр — все же считали их вспомогательным персоналом наряду с сопровождавшими легионы торговцами (*Arr., Tact., 2, 1—2 Roos; Onasandr., Tact., I, 1*).

Тирасские надписи дают нам ключ к пониманию организации воен-

¹² См. комментарий Э. И. Соломоник к надписи ЛНХТ. 13.

¹³ См.: Шелов Д. Б. Указ. соч. С. 61; Дьяков В. Н. Пути римского проникновения в Северное Причерноморье: Понт и Мёзия//ВДИ. 1940. № 3—4. С. 71—72, 77; Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первые века н. э. Харьков, 1981. С. 19; Spiedel M. P., French D. H. *Bithynian Troops in the Kingdom of the Bosphorus*//*Epigraphica Anatolica*. 1985. N. 6. S. 97—102 (далее — *Bithynian...*).

¹⁴ КБН. 691, 726; Spiedel M. P., French D. H. *Bithynian...* S. 100.

¹⁵ См.: Карышковский П. О. (Материалы... С. 116—117) датирует надпись началом II в. н. э., что представляется не совсем верным, так как V Македонский легион в Тире мог появиться не раньше 115—117 гг. н. э. (см.: Авдеев А. Г. О времени пребывания V Македонского легиона в Херсонесе//ВДИ. 1993. № 2. С. 121.

но-медицинской службы в римских вексилляциях, размещенных в населенных пунктах Северного Причерноморья.

Обязанности врачей различались в зависимости от рода войск, который они обслуживали. Врач Мёзийского Флавиева флота лечил моряков и морских пехотинцев, врач тирасской вексилляции — личный состав сухопутных войск. Контекст надписи 1982 г. позволяет предполагать, что на попечении последнего находились все подразделения, составлявшие сухопутную вексилляцию. Эта же надпись в сопоставлении с надписью 1936 г. позволяет предположить, что *medicus vexillationis*, скорее всего, был рядовым легионером, но принадлежал к привилегированной прослойке — принципалам или иммунам. К этой же категории принадлежал и *valetudinarius legionis*. В силу особого рода занятий (в данном случае связанных с охраной здоровья легионеров) они освобождались от тяжелых физических работ, обязательных для рядового состава, но в остальном их положение мало отличалось от положения рядовых (*Digest.*, L, 6, 7, 6. *Patern.*). Однако врач вексилляции, видимо, был выведен из состава конкретного подразделения и подчинялся непосредственно центуриону, возглавлявшему вексилляцию.

С конца I в. н. э. воины, относившиеся к этой категории (помимо врачей от тяжелых работ освобождались оружейники, трубачи, лица, связанные с легионным делопроизводством, и пр.), стали называть себя принципалами (т. е. «первыми», «главными») ¹⁶. В первом десятилетии II в. н. э. этот термин применялся и в Тире ¹⁷. В это (а также и в последующее) время сами легионеры не делали особых различий между принципалами и иммунами, считая главным в положении этой категории освобождение от физических работ. Правда, в начале второй четверти II в. н. э. между этими категориями проводится юридическое различие: к иммунам (сам этот термин впервые засвидетельствован в 134 г. н. э. ¹⁸) относятся лишь рядовые, освобожденные от физических работ в соответствии с занимаемой должностью, к принципалам — младший командный состав, получавший жалованье в 1,5 (сесквипликации) — 2 (дупликации) выше, чем рядовые легионеры ¹⁹.

Интересно, что тирасская надпись 1982 г., не называя отмеченных выше рангов, видимо, и фиксирует такое различие: *medicus vexillationis*, получавший жалованье рядового легионера, и по должности и по положению вполне мог относиться к иммунам, что не противоречит правовым нормам этой категории воинов (*Digest.*, L, 6, 7, 6. *Patern.*), врач же Мёзийского Флавиева флота, имевший двойной оклад, — к принципалам. Думается, из этого вовсе не вытекает, что статус военно-морского врача был выше, нежели врача сухопутной вексилляции, тем более что первый в надписи 1982 г. помещен на втором месте, а субординация строго соблюдалась и в надписях. Должность врача в легионе не предусматривала выполнения им каких-либо командных функций. Главной его задачей было — лечение больных и раненых. Другие обязанности — например, контроль за санитарным состоянием лагеря, за качеством пищи — ложились на плечи высшего командного состава легиона (*Veget.*, III, 2; ср.: *Tac.*, *Ann.*, I, 71; *Plin.*, *Paneg.*, 13.).

Вероятно, в данном случае мы имеем дело с посвянительной надписью, сооруженной принципалами. Как правило, подобные совместные

¹⁶ Первое упоминание этого термина относится к 90 г. н. э. (см.: Смышляев А. Л. Об эволюции канцелярского персонала Римской империи в III в. н. э. // ВДИ. 1979. № 3. С. 65).

¹⁷ См.: Карышковский П. О. Материалы... С. 117—118. № 7.

¹⁸ *CIL*. III. 6178, 6179; См.: Смышляев А. Л. Указ. соч. С. 65. Прим. 40.

¹⁹ Там же. С. 67.

посвящения делались солдатами одного ранга, к тому же трудно предположить, чтобы в такой надписи (при условии ее сооружения лицами разных рангов) имя иммуна как младшего по рангу предшествовало имени принципала. Быть может, присвоение врачу вексилляции ранга принципала диктовалось теми соображениями, что по роду службы ему приходилось контролировать и корректировать исполнение служебных обязанностей медиками, обслуживавшими все подразделения, входившие в состав вексилляции, а для успешного выполнения этих задач он должен был иметь более высокий ранг, нежели иммуны.

Относительно легионного фельдшера (*valetudinarius*) можно заключить, что, считаясь, согласно тирасской надписи 1936 г., в первые десятилетия II в. н. э. *de facto* принципалом, впоследствии *de iure* он стал относиться к иммунам.

Помимо этих должностей Дигесты причисляют к иммунам и обслуживающий персонал лазарета (*qui aegris praesto sunt*) (*Digest.*, L. 6, 7, 6. *Patern.*). Этот термин, естественно, не назван ни в одной из северопонтийских надписей, поскольку данная категория медицинских работников подразумевала известную специализацию труда, не требующего, впрочем, высокой квалификации.

В особую категорию иммунов, связанных с военно-медицинской службой, по-видимому, следует выделить капсариев (*capsarii*), упоминаемых Тарунтенем Патерном наряду с медиками и опционами лазарета (*Digest.*, L. 6, 7, 6. *Patern.*). А. Л. Смышляев переводит этот термин как «изготовители ящиков»²⁰, однако более правомерным кажется толкование П. Конноли, находящееся в связи с общим контекстом отрывка. По его мнению, капсарии — это изготовители специальных перевязочных средств — шин, бандажей и т. п. (*bandagers*)²¹.

Данная категория иммунов не встречена пока в северопричерноморских надписях, но ее существование в составе римских вексилляций в этом регионе (как, впрочем, и в других) более чем вероятно.

Сопоставление двух тирасских надписей позволяет определить и субординацию среди врачей тирасской вексилляции.

Сухопутные и военно-морские силы курировали разные врачи, подчинявшиеся командующему всей вексилляцией — центуриону I Италийского легиона, который принял эту должность после передислокации V Македонского легиона в провинцию *Dacia Porolissensis* в 168 г. н. э. Это не противоречит системе субординации, существовавшей в римской армии. Так, согласно Вегецию, врачи в составе легиона и расходы, связанные с их практикой, находились в ведении префекта лагеря, входившего в высший командный состав легиона (*Veget.*, II, 10). Римский юрист первой половины III в. н. э. Мацер устанавливает, что надзор за больными должен осуществлять и военный трибун (*Digest.*, XLIX, 12, 2. *Macer*), видимо, через специального заместителя, относившегося к категории иммунов, — опциона лазарета (*optio valetudinarii*) (*Digest.*, L. 6, 7, 6. *Patern.*). Таким образом, деятельность медицинского персонала контролировалась двумя высшими офицерами легиона, непосредственно не подчиненными один другому, что повышало действенность контроля. Вполне понятно, что врачи тирасской вексилляции, по численности состава значительно уступавшей легиону (Н. А. Сон, считает, что ее численный состав не превышал когорты)²², подчинялись

²⁰ Хрестоматия по истории Древнего Рима/Под ред. В. И. Кузищина. М., 1987. С. 285.

²¹ *Соппoлу Р. Greece and Rome at war. L., 1981. P. 223.*

²² Сон Н. А. Тира римского времени. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1987. С. 9. По нашему мнению, численность северопричерноморских вексилляций

ее непосредственному командующему, хотя тот и принадлежал к среднему командному составу. Последний же — в силу ограниченности командных кадров в вексиляции, видимо, одновременно совмещал обязанности, возложенные в легионе на военного трибуна и опциона лазарета, контролируя состояние медикосанитарных дел в вексиляции. Ему же подчинялся и врач размещенного здесь же подразделения Мёзийского Флавиева флота. В Херсонесе, где с 40-х годов II в. н. э. преобладают подразделения, размещенных в Таврике, являлся военный трибун (ЛНХТ. 1; СІЛ. VIII. 619), вероятно, существовала система контроля, близкая к описанной Вегецием. В данном центре мы можем предполагать и наличие должности опциона лазарета.

Следует также учитывать, что любое легионное подразделение, входившее в тирасскую и херсонесскую вексиляции, могло иметь собственного фельдшера, подчиненного командиру подразделения. Например, *valetudinarius V* Македонского легиона, как явствует из тирасской надписи 1936 г., подчинялся центуриону данного легиона. Мы не знаем, была ли эта должность единственной в подразделении данного легиона или же лечением легионеров занимался и легионный врач. Ответ, по всей видимости, дает анализ трактата Гигина «Об устройстве лагеря», где указывается, что при разбивке лагеря в месте длительной дислокации легиона площадь лазарета должна выводиться из расчета 200 больных (Hugin., *De met castr.*, 4., 128rb, около 3% личного состава). Учитывая, что, по данным Вегеция, в императорское время легион насчитывал 6830 воинов (Veget., II, 6.) (из этого же числа исходит и Гигин) — (*De met castr.*, 31, 132vb) и делился на 10 когорт, одна из которых (первая) была сдвоенной, можно предположить, что в каждой когорте имелся собственный фельдшер (в первой — два) (ср.: СІЛ. VI. 2532). Для сравнения: когорту претерянцев как наиболее привилегированное подразделение обслуживали 4 врача²³. Таким образом, основной военно-медицинский штат легиона, помимо легионного врача, осуществлявшего, так сказать, общее руководство медицинским обеспечением, состоял из 11 фельдшеров и не превышал 12 человек; один из которых — легионный врач — являлся принципалом, остальные — иммунами. Примечательно, что, по данным Гигина, в крупном воинском соединении, объединяющем 3 легиона и различные вспомогательные подразделения общей численностью не менее 47,5 тыс. человек (Hugin., *De met. castr.*, 30, 132va—132vb), лазарет рассчитывался на 600 человек (Ibid., 35, 133va) (1,3% от личного состава, т. е. по норме, установленной для легиона, составлявшего костяк любого соединения). Для вспомогательных подразделений отдельного лазарета не полагалось²⁴. По всей вероятности, в данном случае военно-медицинское обеспечение крупного подразделения возлагалось на медицинский персонал входивших в это подразделение легионов. И это не случайно. В мирное время лазарет вряд ли работал на полную нагрузку, причем в нем содержались лишь тяжелобольные, нуждавшиеся в стационарном лечении (по требованию Гигина лазарет «должен быть тихим для больных» (Hugin. *De met. castr.*, 4, 128rb). Легко раненые и больные, чье состояние здоровья не внушало опасений, видимо, оставались в лагерных палатках

была эквивалентна квингенарной когорте в каждом крупном полисе (Тире, Ольвии, Херсонесе), что, в частности, находит косвенное подтверждение в сообщении Житий святых архиепископов Херсонских о направлении в Херсонес римского военного отряда численностью в 500 человек (см.: Латышев В. В. Страдания св. священномучеников и епископов Херсонских//ИАК. 1907. Вып. 23. С. 11).

²³ Стрелков А. Указ. соч. С. 54.

²⁴ Ср.: Стрелков А. Указ. соч. С. 54.

(SHA, XVIII. Ael. Lampr.: Alex. Sev.); Plin., Paneg., 13)²⁵. Во время же эпидемий или военных действий с увеличением числа пациентов лазарета, видимо, увеличивалось число вспомогательных медицинских работников, выделявшихся из рядовых легионеров.

Эта система при всей ее кажущейся громоздкости и при всем несовершенстве на протяжении многих веков была лучшей по постановке военно-медицинской службы в действующей армии. Именно римляне явились основоположниками такой службы в Европе, хотя их достижения в этой области оказались забытыми почти на тысячелетие. Эпоха средневековья знала лишь врачей, входивших в свиту военачальников. Только в середине XVI в. в Испании впервые каждому пехотному полку были приданы штатные медик и хирург²⁶, что, похоже, совпадает с традициями, сложившимися в римской армии. Лишь в XVIII в. складывается новая система военно-медицинского обеспечения, при которой число врачей и вспомогательного медицинского персонала зависит не только от численности подразделений, но и от количества раненых, нуждавшихся в стационарном лечении. Так, в русской армии в 1799 г. один врач обслуживал пехотный батальон и один — 50 больных в госпитале; вспомогательный медицинский персонал по штатному расписанию 1755 г. назначался из расчета один фельдшер на 10 легко- и 5 тяжелобольных солдат²⁷.

Впрочем, в римском войске, равно как и во всей Империи, пропорциональность числа врачей количеству нуждающихся в медицинской помощи вряд ли соблюдалась, что в первую очередь связано было с привилегированным положением медицинских работников, приносившим государству определенные материальные неудобства, так как они наряду с другими представителями «свободных профессий» (например, учителями) освобождались от уплаты налогов. Необходимое число врачей назначалось исходя из юридических норм, а не требований здравого смысла. Так, согласно предписанию Антонина Пия, устанавливавшему максимальное количество врачей в различных по статусу населенных пунктах, врачи могли пользоваться привилегиями только в тех городах, которые имели статус полиса (*jus et dignitatem civitatis*). Причем число таких врачей (опять же исходя из дарованных им привилегий) ограничивалось: для главных городов провинций (*metropoles gentium*) — 10 специалистами, для городов среднего размера, имевших суд для рассмотрения тяжб (*forum causarum*) или помещения для суда (*loca iudicorum*), — 7, для всех прочих городов — 5 (*Digest.*, XXVII, 1, 6, 2. *Modest.*). По-видимому, аналогичный принцип необходимого (т. е. зависящего от материальных возможностей государства) минимума соблюдался и в действующей армии.

Эти теоретические выкладки хорошо подкрепляет надпись CIL. III. 7449, найденная в Альмусе (*Municipium Montanensium*), со 155 г. н. э. — на стоянке XI Клавдиева легиона в Нижней Мёзии. Надпись этого же года является посвящением солдат вексилярции легату Нижней Мёзии Т. Флавию Лонгину и, что особенно важно, в ней назван весь личный состав вексилярции, насчитывающий 76 человек. Поскольку данная надпись²⁸ важна и для понимания структуры северопричерноморских вексилярций, организационно подчиненных легату

²⁵ См. также: Стрелков А. Указ. соч. С. 23. Прим. 2.

²⁶ Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. 6. С. 530.

²⁷ Там же. С. 531, 532.

²⁸ О надписи см.: Saxon R. Untersuchungen zu den Vexillationen des römischen Kaiserheeres von Augustus bis Diokletian//Epigraphische Studien. Bd. 1. Köln—Graz, 1967. S. 89—90. N 265.

той же провинции, кратко перечислим упоминаемые в ней должности: центурион XI Клавдиева легиона — командующий vexillatio; бенефициарий консуляра; 4 принципала — тессерарий, трубач (tubicen), горнист (cornicen), врач (medicus); 2 иммуна-охотника (venatores); 67 рядовых легионеров из пяти когорт (с I по V); 1 декурион из легионных всадников. В данной статье мы не можем дать подробный комментарий к этой надписи, отметим лишь то, что необходимо для конкретизации наших выкладок. Во-первых, в составе vexillatio, какой бы численности она ни была²⁹, обязательно выделялась должность врача; во-вторых, врач, в отличие от фельдшера, относился к привилегированной категории воинов-принципалов и, в-третьих, по службе последние непосредственно подчинялись командующему vexillatio — как правило, центуриону.

Если применить все эти наблюдения к северопричерноморским vexillatio, то картина окажется следующей. Учитывая, что во главе легионных подразделений находились центурионы, численность такого подразделения не превышала 100 человек. В Северном Причерноморье дислоцировались подразделения трех легионов — I Итальянского, V Македонского и XI Клавдиева — таким образом, следуя расчетам Гигина, норма больных, нуждавшихся в стационарном лечении, могла определяться в 7—10 человек (1,3% от численности квингеннарной когорты). Сюда же следует включить и больных из вспомогательных подразделений — именных ал и когорт, входивших в состав vexillatio и не имевших собственного медицинского персонала. По-видимому, при данной норме vexillatio не нуждалась в специальном здании, оборудованном под лазарет: для этих целей могли использоваться помещения в казармах. Планировка зданий римских казарм, открытых в Тире³⁰, Ольвии³¹ и Херсонесе³², отчасти подтверждает это предположение: среди выявленных там помещений хотя бы одно могло служить медицинским целям. Хочется обратить внимание на следующий факт: данные постройки размещались внутри городских стен и были невелики, что можно связать с нехваткой свободной площади, которую могла выделить полисная администрация для нового строительства в кварталах с уже сложившейся системой планировки. В свою очередь легионеры, стремясь разместиться максимально компактно на небольшой площади, использовали не опыт своих соотечественников — землеробов-громатиков, оперировавших, подобно Гигину, поистине неограниченными пространствами для размещения крупных воинских контингентов, а прибегали к услугам местных архитекторов, не знакомых с римскими военно-строительными традициями³³. А это еще одна причина, по которой помещения, выделенные для лазарета, необходимо искать внутри казарм.

²⁹ Разумеется, мы не можем механически переносить численность данной vexillatio на северопонтийские гарнизоны: состав любого воинского подразделения, дислоцированного в данном регионе, главным образом зависел от количества легионов, расположенных в Нижней Мёзии, внутри- и внешнеполитической обстановки в провинции и тех задач, которые возлагались на каждую vexillatio.

³⁰ См.: Клейман И. Б. Раскопки vexillatio I Итальянского легиона в Тире // МАСП. 1971. Вып. 7. С. 229—238.

³¹ См.: Ветштейн Р. И. Раскопки в центре римской цитадели в Ольвии // АИУ—1967. Киев, 1968. С. 140—142; Он же. Раскопки на римской цитадели в Ольвии в 1968 г. // АИУ—1968. Киев, 1971. Вып. 3. С. 166—168; Он же. Раскопки римской цитадели Ольвии в 1969 г. // АИУ—1969. Киев, 1972. С. 171—174.

³² См.: Борисова В. В. Раскопки цитадели в 1958—1959 гг. // СХМ. 1963. Вып. III. С. 45—54; Она же. Раскопки римской цитадели в Херсонесе // АО—1968. М., 1969. С. 288—289.

³³ См.: Клейман И. Б. Указ. соч. С. 238.

Итак, надписи, несмотря на их малочисленность, отражают следующий порядок в организации военно-медицинской службы в северо-причерноморских вексилляциях, объединявших отряды трех легионов. Общее руководство медицинским обеспечением пехоты возлагалось на врача вексилляции, принадлежавшего к категории принципалов. Этот врач выводился из состава легионного подразделения (скорее всего, того, из которого происходил и центурион — командующий вексилляцией) и непосредственно подчинялся командиру вексилляции. В подчинении врача находились легионные фельдшеры, число которых соответствовало количеству легионных подразделений, составлявших косяк вексилляции: от одного до трех. Очевидно, фельдшер также прикомандировывался и к легионным подразделениям, дислоцированным на удаленных от места основного базирования стоянках. Для Тиры это — Орловка (Алиобриск?), где стояли подразделения I Итальянского и V Македонского легионов³⁴ и другие населенные пункты в районе Буджака³⁵. Для Ольвии — целая система крепостей, в которых могли располагаться и римские гарнизоны³⁶. Для Херсонеса — Харакс и городище Алма-Кермен, где находились отряды XI Клавдиева легиона³⁷. Подтверждением тому служит находка хирургических инструментов в Хараксе³⁸. Медицинские инструменты римского времени найдены также в Ольвии и Херсонесе³⁹, но в данном случае они могли принадлежать и гражданским врачам, имевшим практику в этих полисах.

Таким образом, примерная численность медицинского персонала в тирасской вексилляции не могла превышать 5—7 человек. Видимо, аналогичной была картина в Ольвии и Херсонесе, но здесь мы не располагаем источниками. В случае распространения серьезных заболеваний, например, во время вспышек эпидемий, когда недостаток военно-медицинского персонала ощущался особо, к лечению легионеров на стоянках могли принудительно превлекаться штатские врачи, практиковавшие в данном центре (Атт. Магс., XXX, 6, 4.). И наоборот, военные врачи в свою очередь могли оказывать экстренную медицинскую помощь гражданскому населению (Ach. Tat., IV, 10). Наконец, если легионер считал лечение, проводимое легионным врачом, недостаточным или малоэффективным, он мог бесплатно посещать врачей, лечивших гражданское население, — привилегия, установленная Аврелианом — SNA, XXVI. Vopisc.: Div Aurel., 7, 8).

Менее ясна организация военно-медицинской службы в отрядах Равенской эскадры (Харакс) и Мёзийского Флавиева флота (Тира, Ор-

³⁴ См.: Головкин И. Д., Бондарь Р. Д., Загинало А. Г. Археологические исследования у с. Орловка Болградского района Одесской области//КСОГАМ за 1963 г. Одесса, 1965. С. 79.

³⁵ См.: Кожокару В. М., Новицкий Е. Ю. О переправе через Дунай у с. Новосельское в римское время//Древнее Причерноморье (чтения памяти проф. П. О. Карышковского). Тезисы докладов конференции. Одесса, 1989. С. 34; Гудкова А. В. Об изучении римских памятников на юге Буджака//История и археология Нижнего Подунавья (чтения памяти проф. А. И. Доватура). Тезисы докладов научно-практического семинара. Рени, 1989. С. 69—70.

³⁶ См.: Буйских С. Б. Фортификация Ольвийского государства (первые века н. э.). Киев, 1991. На одном из поселений, входивших в систему обороны Ольвийского полиса (урочище Дидова Хата) в слое, датированном серединой — второй половиной I в. н. э., обнаружена свинцовая тессера, принадлежавшая, по всей вероятности, воину I Итальянского легиона (см.: Буйских С. Б. Указ. соч. С. 88).

³⁷ JosPE. 1². 675, 678; Высотская Т. Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев, 1972. С. 55—57.

³⁸ См.: Кропоткин В. В. Римские импортные изделия в Восточной Европе//САИ. Вып. Д1—27. М., 1970. С. 40.

³⁹ См.: Соломоник Э. И., Антонова И. А. Надгробия врачей из античного Херсонеса//ВДИ. 1974. № 1. С. 102—104.

ловка, Херсонес). Вероятно, она во многом была аналогичной организации военно-медицинской службы в сухопутных вексиляциях. Общее руководство медицинским обеспечением находилось в руках врача флота, относившегося к категории принципалов. О других категориях военно-медицинского персонала во флоте ввиду отсутствия источников мы можем строить лишь предположение⁴⁰.

Легионными врачами становились, как правило, свободные люди, но среди них велико было и число вольноотпущенников, которые при поступлении на военную службу теряли прежний статус, становясь по ее окончании римскими гражданами (Ср.: Gai, Inst., I, 57). В частности, наличие такого статуса, не отмеченного в надписи, можно предполагать у врача тирасской вексиляции Луция Папирия Олимпика⁴¹. Вольноотпущенником был, как свидетельствует надпись, и похороненный в Херсонесе Публий Ведий Трепт, но этот случай требует особого рассмотрения, поскольку на надгробии не указана принадлежность врача-вольноотпущенника к определенному воинскому подразделению.

Привлечение вольноотпущенников (т. е. вчерашних рабов) к военной службе в императорское время не являлось экстраординарной мерой, а чаще всего диктовалась недостатком в гражданах⁴². В частности, наличие (бывших) вольноотпущенников среди легионных врачей вполне объясняется тем, что с эпохи эллинизма занятие врачеванием перестало быть привилегией духовной элиты свободного гражданства, в связи с чем доступ к этой профессии получили вольноотпущенники, часто занимавшие в ней практически монопольное положение⁴³ ввиду падения интереса к данной профессии среди граждан.

Впервые набор вольноотпущенников в армию был проведен в Риме в 296 г. до н. э. Вплоть до начала гражданских войн такие наборы являлись исключением (Liv., X, 21; XXII, 11; XL, 27; Eulrop., III, 10⁴⁴, но уже Марий стал шире практиковать призыв в армию вольноотпущенников и даже рабов (App., Bell. civ., I, 49; Sall., Iugurth., 86; Plut., Mar., 9)⁴⁵, а при Августе прохождение военной службы вольноотпущенниками превращается в правило (Dio Cass., LVI, 25; Vell. Pat., II, 111, 1; Suet., Aug., 25, 2). При чем служба в армии, как уже говорилось, приносила вольноотпущеннику статус римского гражданина (Dio Cass., LV, 31, 1). Правда, Август пытался ограничить эту подлежащую призыву на действительную военную службу категорию населения императорскими вольноотпущенниками, формируя из них отдельные, как правило вспомогательные подразделения (Suet., Aug., 25, 2). Однако при последующих императорах некоторые вольноотпущенники (хотя массовые наборы из данного сословия проводились лишь дважды — в 19 и 68 гг. н. э.)⁴⁶ могли дослужиться до высших командных должностей в легионах (Suet., Claud., 28; Nero, 37, 3)⁴⁷. При Траяне ограничения каса-

⁴⁰ Ср.: Стрелков А. Указ. соч. С. 53.

⁴¹ Карышковский П. О. Посвятительная надпись... С. 55.

⁴² На эту закономерность неоднократно указывал Ф. Энгельс как на одну из причин разложения и упадка римской армии (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 14. С. 25, 360—361; Т. 19. С. 446).

⁴³ См.: Штаерман Е. М., Трофимова М. К. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи (Италия). М., 1971. С. 122.

⁴⁴ См. также: Валлон А. История рабства в античном мире. М., 1941. С. 575—576. Прим. 54.

⁴⁵ Впрочем, как кажется, принципиальной разницы между призывом на военную службу вольноотпущенников и рабов не существовало, поскольку последние при этом обязательно получали вольную (см.: Машкин Н. А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.; Л., 1949. С. 511).

⁴⁶ См.: Штаерман Е. М., Трофимова М. К. Указ. соч. С. 125.

⁴⁷ См. также: Валлон А. История... С. 473, 628.

лись только рабов, которым было запрещено служить в армии под страхом смерти (Digest., XLIX, 16, 11. Marcian; ср.: Plin., Ep., X, 29—30). Вольноотпущенников же ограничения в призыве касались лишь в тех случаях, когда они не были освобождены от обязанностей по отношению к прежнему господину (Digest., XXXVIII, 1. 43. Papinian). А поскольку такие обязанности существовали всегда, то государство тем самым имело возможность регулировать количество вольноотпущенников, способных пополнить армию, необходимым минимумом. Но призванный на действительную военную службу вольноотпущенник вряд ли стал бы указывать в надписи свой прежний — уже утраченный, да и к тому же малопочтенный статус, тем более находясь в составе достаточно привилегированной группы воинов. Не надо забывать, что многие отпущенники, подобно петрониевскому Трималхиону, были непомерно тщеславны и не очень любили вспоминать позорное прошлое. Наконец, сама херсонесская надпись является надгробием, сооруженным вольноотпущенником в память погибших собратьев по сословию, что не очень вяжется с их принадлежностью к легионерам.

Следовательно, врач-вольноотпущенник Публий Ведий Трепт не практиковал ни в одном из воинских подразделений, размещенных в Херсонесе в 70-е годы I в. н. э. Какова же тогда его связь с римским гарнизоном? Ведь участие этого врача в боевых действиях несомненно. По-видимому, данный вольноотпущенник был личным врачом одного из командиров легиона, а судя по когномену — бывшим доморощенным рабом (*φρεϊλτός*) последнего, получившим свободу и в силу клиентских обязанностей вынужденным сопровождать патрона, не имея при этом права поступать на военную службу. Но, как полагает Э. И. Соломоник, это мог быть не просто доморощенный раб, что было бы справедливо, если бы, с одной стороны, хозяином Публия Ведия Трета был гражданин Херсонеса, не подпадавший под юрисдикцию римского права⁴⁸, с другой — если бы сам термин *φρεϊλτός* имел однозначное толкование. Так, А. Камерон выделяет три категории людей, имевших различный статус, но обозначавшихся этим термином: воспитанники, усыновленные дети, доморощенные рабы⁴⁹. Так что правовой статус лица в данном случае необходимо определять в каждом конкретном случае по имеющемуся контексту. В частности, к *φρεϊλτοι* (*alumni*) римское право относило подкидышей, подобранных и воспитанных в рабстве (Plin., Ep., X, 65; 66, 1), с тем, чтобы после освобождения (а такие лица имели право добиваться свободы по достижении совершеннолетия без выкупа за свое содержание) пользоваться их услугами. Рабы — воспитанники в I—III вв. н. э. были обычным явлением в западных провинциях Империи⁵⁰, в то время как в восточных, где данный обычай получил меньшее распространение, с термином *φρεϊλτός* чаще совпадал латинский термин *vergnus*, обозначающий доморощенного раба⁵¹. На существование этой категории несвободного

⁴⁸ Ср.: Жебелев С. А. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре // Жебелев С. А. Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.; Л., 1953. С. 105—106.

⁴⁹ Cameron A. *Φρεϊλτός* and related terms in the inscriptions of Asia Minor // Anatolian studies presented W. H. Bruckner. Manchester, 1939. P. 30—40.

⁵⁰ См.: Штаерман Е. М., Смирин В. М., Белова Н. Н., Колосовская Ю. К. Рабство в западных провинциях Римской империи в I—III вв. н. э. М., 1977. С. 113, 138—139, 189.

⁵¹ См.: Маринович Л. П., Голубцова Е. С., Шифман И. Ш., Павловская А. И. Рабство в восточных провинциях Римской империи в I—III вв. н. э. М., 1977. С. 68—70, 85—92.

населения в Херсонесе в рассматриваемый период обратил внимание В. И. Кадеев⁵².

Определение бывшего статуса Публия Ведия Трепта как раба—воспитанника, получившего пользу большую спросом профессию, не противоречит и другим римским юридическим нормам: вольноотпущенник был обязан оказывать бывшему хозяину любую помощь, в том числе и врачебную (Digest., I, 12, 1, 2.), а также выполнять работы, соответствующие возрасту, достоинству, потребностям обоих лиц (Digest., XXXVIII, 1, 16—20. Paul.), причем в той области деятельности, в которой он трудился до своего освобождения (Digest., XXXVIII, 1, 38, 1. Kallistr.). Место жительства вольноотпущенника при этом не играло роли (Digest., L, 1, 22, 2). Сведения о том, что личные врачи сопровождали высших командиров легиона, имеются у Веллея Патеркула (Vell. Pat., II, 114)⁵³ в восторженном рассказе об участии Тиберия в Паннонской и Германской войнах.

В качестве более близкой аналогии можно указать на наличие вольноотпущенника, сохранившего клиентские обязанности по отношению к господину, у центуриона I Итальянского легиона Тита Аврелия Флавина, возглавлявшего тирасскую вексилляцию около 214—217 гг. н. э.⁵⁴ То, что вольноотпущенники были у солдат херсонесской вексилляции, также устанавливается рядом надписей⁵⁵.

Важно отметить еще одно обстоятельство: судя по имени, вольноотпущенник Публий Ведий Трепт был клиентом некоего Публия Ведия, представителя знатного патрицианского рода Ведиев, в I в. н. э. еще связанного с Италией (столетие спустя представители этого рода обосновались в Эфесе)⁵⁶. Точно так же и два других вольноотпущенника, названные в этой же надписи без указания их профессии — Тит Цинций Басилид и Тит Цинций Эпиктет, принадлежали представителю плебейского рода Цинциев, связанных с Италией в это же время. Принадлежность представителей названных родов к командному составу I Итальянского легиона более чем вероятна, так как базой формирования данного легиона, созданного Нероном в 68 г. н. э. (Dio Cass., LV, 24), как раз и являлась Италия, а в рассматриваемое время в значительной степени еще сохранялся принцип соответствия названия легиона месту его набора⁵⁷. Сделанный вывод служит дополнительным аргументом для отнесения надписи к боевым действиям I Итальянского легиона в Таврике в первой половине 70-х годов I в. н. э.

⁵² См.: Кадеев В. И. О рабстве в Херсонесе Таврическом в первых веках н. э. // История и культура античного мира. М., 1977. С. 59.

⁵³ Если признать за врачами, сопровождавшими Тиберия, статус вольноотпущенников (что представляется наиболее вероятным), то окажется, что, привлекая их для лечения своих друзей, Тиберий не выходил за рамки существовавших в обществе порядков и, следовательно, не совершал ничего экстраординарного, как это пытается доказать Веллей Патеркул. Врач-вольноотпущенник обязан был по закону оказывать бесплатную медицинскую помощь друзьям своего патрона (Digest., XXXVIII, 1, 27. Just.).

⁵⁴ См.: Карышковский П. О. Из истории Тир в первой трети III в. н. э. // Исследования по античной археологии Юго-Запада Украинской ССР. Киев, 1980. С. 77; Бруяко И. В., Росохацкий А. А. К исторической интерпретации эпиграфических материалов из могильника Бельное // Древнее Причерноморье (чтения памяти проф. П. О. Карышковского). Тезисы докладов конференции. Одесса, 1989. С. 11.

⁵⁵ ЛНХТ. 43, 44. Подборку документов о солдатских вольноотпущенниках см.: Jung J. H. Die Rechtsstellung der römischen Soldaten. Ihre Entwicklung von den Anfängen Roms bis auf Diokletian/ANRW. 1984. Bd. II. 14. S. 897—902.

⁵⁶ Keil J. Vedius // RE. 1955. Rh. 2. Hbd. XV. Sp. 562—563 ff.

⁵⁷ Cp.: Mann J. C. Legionary Recruitment and Veteran Settlement during the Principate. L., 1983. P. 132. Tabl. 21. 1.

Таким образом, изученный материал позволяет заключить: основные принципы организации военно-медицинской службы в легионах, дислоцированных в Северном Причерноморье, по существу не отличались от организации такой службы непосредственно на территории Римской империи и деятельность военных врачей определялась теми же юридическими нормами, что и в Империи.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИУ — Археологические исследования на Украине
ANKW — Aufstieg und Niedergang des Römischen Welt
АО — Археологические открытия
ВДИ — Вестник древней истории
ИАК — Известия императорской археологической комиссии
IosPE — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini
КБН — Корпус Боспорских надписей. М.; Л., 1965.
КСОГАМ — Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея
ЛНХТ — Соломоник Э. И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983.
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
САИ — Свод археологических источников
CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum
СХМ — Сообщения Херсонского музея
SNA — Scriptores Historiae Augusti

Поступила в редакцию
21.06.93